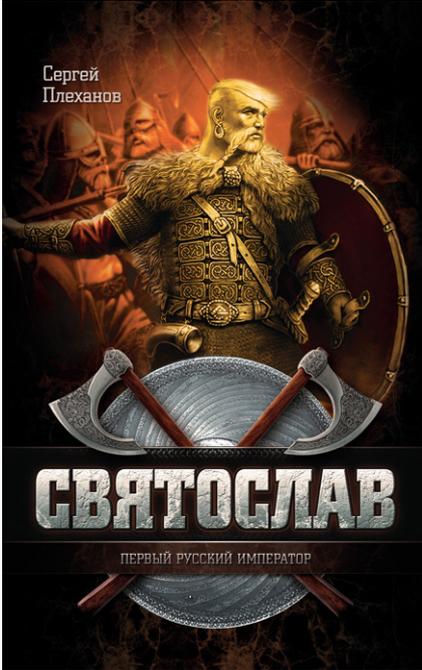

Сергей
Плеханов

СВЯТОСЛАВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Сергей Николаевич Плеханов

Святослав – первый русский император

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17082941

*Сергей Плеханов. Святослав – первый русский император: Концептуал; Москва; 2014
ISBN 978-5-906756-12-1*

Аннотация

Документальный роман о жизни великого русского князя Святослава Игоревича Храброго и его роли в мировой истории. В условиях мощнейшей идеологической и военной агрессии южных империй против языческого Севера он сумел не только сохранить государство своих отцов, но и создать собственную империю, включавшую разные народы и климатические зоны – от холодного Белого моря, до жаркой Болгарии.

Автор обращает внимание читателей на малоизвестные и недопонятые исторические факты. В книге показана ясная картина единства и родства белых народов Севера, их культурная и цивилизационная самодостаточность. Раскрыта истинная причина успеха христианской религии среди представителей знати этих народов. С мастерством настоящего художника Сергей Плеханов изображает реальную жизнь великого Князя и его современников.

Сергей Плеханов – русский писатель, сценарист, литературный критик, член Союза писателей России. Широко известен не только в России, но и за рубежом. Его перу, в частности, принадлежит ряд книг о правителях Ближнего Востока и Передней Азии. Блестящий знаток истории древних цивилизаций. Сергей Плеханов – автор старой школы, добросовестно и глубоко исследующий темы своих произведений. Практически все его книги можно рассматривать как небольшие художественные энциклопедии по истории, быту и атмосфере описываемых эпох.

Содержание

Предисловие	5
Константинополь. Вуколеонский дворец	14
Переяславец на Дунае	23
Константинополь. Влахернский дворец	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Плеханов

Святослав – первый русский император

© С.Н. Плеханов, 2014

© Концептуал, 2014

В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-Спасителя. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если Провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего.

Лев Диакон. История

Предисловие

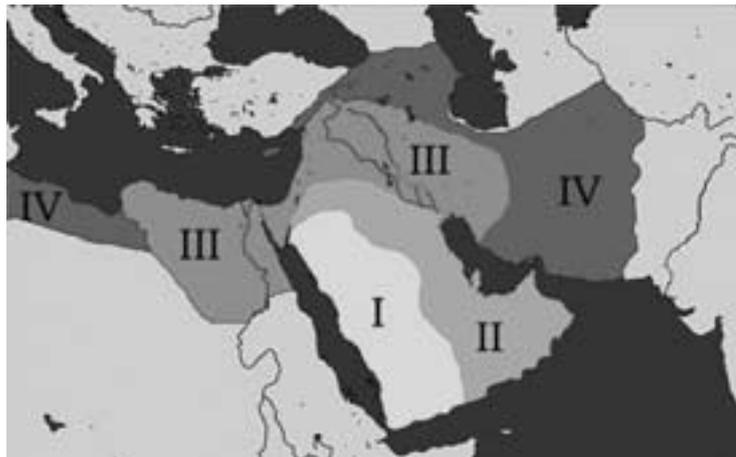
Не мир, но меч...

Причины возникновения первой славянской империи нельзя понять вне исторического контекста эпохи, основным содержанием которой была идеологическая и военная экспансия южных империй против языческого Севера. Не претендуя на воссоздание всеобъемлющей картины событий, я хочу привлечь внимание читателя к ряду фактов, которые часто упоминаются в исторических трудах, но никогда не рассматривались в своей совокупности. Внезапное нападение викингов на монастырь святого Кутберта в Линдисфарне (северо-восточное побережье Англии) в 793 году синхронно с активизацией славян на противоположном конце линии, по диагонали разделявшей Европу на христианский и нехристианский миры. Линия эта примерно соответствовала *лимесу* – укрепленному рубежу Римской империи. Внезапными эти события могут представляться лишь тем историкам, кто с излишней доверчивостью принимает объяснения средневековых хронистов, усматривавших в нашествии язычников проявление воли Провидения.

Но ведь набегам северных варваров (принимая подобную терминологию христианских писателей лишь в силу ее общеупотребительности) предшествовало массированное давление на язычников со стороны двух великих христианских империй – франкской державы Карла Великого и Византии. Первая, вторгшись в пределы саксов и подунайских славян, проводила насильственную христианизацию. Вторая уничтожила незадолго перед тем зародившееся славянское государство Склавинию.

Ряд фактов говорит в пользу того, что происходившие в конце VIII – начале IX века войны вдоль линии лимеса были не отдельными конфликтами местного значения, но являются эпизодами двухвековой войны между языческим Севером и христианским Югом. Отвлекусь, однако, на время от этих событий, ибо для уяснения первопричины их необходимо бросить взгляд в более отдаленное прошлое.

За полтора века до описываемых событий началась первая из великих религиозных войн, время от времени перекраивавших карту мира. Я разумею арабскую экспансию под знаменем ислама. С 30-х годов VII века по 30-е годы VIII века в результате вооруженного натиска последователей Мухаммеда территория христианского мира сократилась в несколько раз. Потеряв самые богатые и людные страны – Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, половину Малой Азии, Кипр, Сицилию и Пиренейский полуостров – могущественные некогда христианские державы являли к концу описываемого периода узкую полосу земли от Бискайского залива до Эгейского моря, ограниченную с севера Балканами, средним течением Дуная и Рейном.

I – территория, контролируемая мусульманами на момент смерти пророка Мухаммеда (632 г.); II – завоевания при Абу-Бакре (632–634 гг.); III – завоевания при Омаре (634–644 г.); IV – завоевания при Османе (644–656 гг.)

За одно лишь столетие богатые и влиятельные церкви Востока – Александрийская, Иерусалимская, Антиохийская – превратились в робкие конгрегации «иноверцев», вкрапленных в массу мусульманского населения. Положение, в котором оказался христианский мир, я бы уподобил экологической катастрофе. Как ныне сокращение ареала обитания какого-то вида животных в результате воздействия индустрии и сельскохозяйственного освоения земель чревато исчезновением этого вида, так и в судьбах культуры и человеческих сообществ могут возникать пограничные ситуации: достигается тот критический предел, переходить который нельзя, ибо за ним – небытие, распад, поглощение более сильным конкурентом.

Уместно назвать подобное положение вещей «ситуацией домино». Она не раз повторялась в истории. Удар по одному звену в цепи культур приводил к подвижке всех остальных звеньев. Чтобы уцелеть, каждая из них, подвергаясь натиску сильного соперника, начинала искать слабые места у соседей, дабы восполнить за их счет потерянное. Так было во время Троянской войны (XIII век до Рождества Христова): после падения Трои началась подвижка всех племен Малой Азии с Запада на Восток и с Севера на Юг. Народы и племена – потерпевшие поражение союзники троянцев, теснимые ахейскими греками – лавинообразно обрушились на Хеттскую империю и сокрушили ее; другая их часть, известная из египетских текстов как «народы моря», двинулась на побережья Египта и Палестины.

Ситуация домино возникла и после арабской экспансии. Христианский мир, не сумевший отстоять жизненно важные области Средиземноморья, был поставлен перед необходимостью подчинения Севера. Существовавшее в течение нескольких веков относительное равновесие вдоль лимеса было нарушено. Началась вторая война под религиозным знаменем.

Но что дает мне основание говорить о всеобъемлющем, глобальном характере этого конфликта? Не имели ли христианские империи Юга перед собой разрозненные племена и государства, поодиночке противостоящие натиску?

Прежде всего необходимо отметить широкие связи между народами Севера. Ныне никто не станет оспаривать существование «циркум-балтийской цивилизации», археология установила поразительное сходство культур, сложившихся по окружности «Средиземного моря северян» – (так иной раз называют Балтику). Мало того, в результате нарушения равновесия, на христианско-языческом порубежье произошла подвижка племен, приведшая к

взаимопроникновению, или, говоря современным языком, интернационализация идеологии Севера.

Восемьдесят процентов керамики древнего Пскова принадлежит к тому же типу, что и керамика балтийских славян, населявших земли от сегодняшнего Гамбурга до Гданьска. А предания новгородцев о том, что их предки – варяги? Да ведь это воспоминания о переселении с южного побережья Балтики! Само название Новгорода – откуда оно? Нов – по отношению к чему? К Старграду – важнейшему религиозному и экономическому центру славян близ теперешнего Гамбурга. Именно в конце VIII века, когда усилилось давление франков на Нижнем Рейне, и появляются признаки балтийской культуры на месте сегодняшнего Новгорода.

Кроме удивительного соответствия культов древних скандинавов и славян, можно привести и такие параллели: северные воины – берсерки практиковали обряд хождения босиком по кострищу. Точно такой же встречается на другом конце «дуги напряженности» – у балканских огнеходцев. Там и там поклонялись богам-всадникам, противниками которых являлись змеи. Удивительны стилевые соответствия поэзии скандинавских скальдов и славянских песнотворцев (в «Слове о полку Игореве» сражающиеся воины названы пьющими «кровавое вино»). Даже названия «витязь» и «викинг» говорят о едином происхождении; русское слово «дружина» родственно германскому *druhti* – «вооруженный отряд». О совместных военных предприятиях германцев и славян мы можем судить по саге о йомских викингах, служивших у славянского князя. Сам Йомсбург (близ нынешней германо-польской границы) являл собой образец воинского интернационала, известного нам еще по сочинениям Цезаря и Тацита: военные вожди набирали себе отряды из храбрецов любого племени, отзывавшихся на их зов. Тайные воинские союзы *Mannerbunde*, зародившиеся в начале новой эры, стали основой формирования языческого рыцарства Севера – связанные между собой вековыми традициями, они образовали как бы общую кровеносную систему различных племен.

В течение первого века спровоцированной христианским Югом борьбы языческий Север добился значительных успехов – были захвачены Англия, северное побережье Франции, базы норманнов появились в Средиземноморье, славяне глубоко вклинились в пределы Византийской империи.

Но в этот исторический момент, когда судьба христианской цивилизации была поставлена, казалось бы, под вопрос, начинаются неожиданные процессы в недрах языческого мира. На изгибе «дуги напряженности» в Паннонии и Моравии приходят к власти князья, которые склоняются к принятию религии Юга. Именно в центре Великоморавской державы Велеграде и появляются византийские миссионеры, приглашенные князем Ростиславом, – братья Кирилл и Мефодий. Похоже, моравский государь последовал совету святого Ремигия, данному им королю франков Хлодвигу (V век): «Сожги все, чему ты поклонялся, поклонись всему, что ты сжигал».

Моравия стала плацдармом, с которого христианство проникает вглубь северной цивилизации. В середине X века новую религию принимают прибалтийские князья, в 966 году крестился польский князь Мешко, в 974 году – датский король Харальд Синезубый, около 976 года – сын норвежского короля Олаф, в 985 году – венгерский герцог Геза.

Я сознательно говорю о крещении князей, а не земель, которыми они управляли. Эта первая волна крещений результатов не даст – повсюду попытки ввести новую религию отвергались народом. Например, норвежский конунг Хакон Добрый, правивший в середине X века и предложивший своим подданным креститься, получил недвусмысленный отказ. Вот как об этом повествует сага: «Асбьерн из Медальхуса в Гаулардале поднялся, чтобы ответить на речь конунга. “Конунг Хакон, мы, бонды, думали, – начал он, – что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя

конунгом, а ты вернул нам наш одаль... Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим»».

У нас на Руси первые князья крестились еще в последней трети IX века – это Аскольд и Дир, правившие в Киеве до Олега. Известно, что и мать Святослава княгиня Ольга была христианкой. Все они приняли крещение в Константинополе, однако приобщить к новой вере свою землю не смогли.

*Олег показывает маленького Игоря Аскольду и Диру.
Миниатюра из Радзивилловской летописи (XV век)*

Чем же объяснить это странное положение? Ведя борьбу против христианского Юга, опираясь на массу, целиком преданную традиционным верованиям, князья необъяснимым образом начинают изменять собственному знамени. Ответ надо искать в обстоятельствах этой вековой войны.

Для всякого большого военного предприятия во все времена народы шли на определенные жертвы во имя усиления армии и укрепления тыла. Мобилизации экономического потенциала сопутствовало ограничение свобод и усиление роли военных во всех областях жизни. Нет сомнений, что это справедливо и для древних обществ.

У славян и германцев князь традиционно стоял ниже жреца. То же самое видим у всех индоевропейцев (первой по значению кастой в древней Индии почитались *брахманы*, а воины – *кшатрии* – второй). На мысе Аркона, в священном городе славян Поморья даже в XII веке жрец почитался выше князя. Это объяснялось тем, что служители культа являлись как бы гарантами коллективной памяти своего племени – они вели протоколы вечевых сходов (у славян) и тингов (у скандинавов), были хранителями их архивов.

В периоды обычных войн, как можно предположить, не возникало необходимости концентрировать в одних руках всю военную и административную власть. Чрезвычайная длительность и тяжесть религиозной войны IX-X веков продиктовала именно такое развитие. Став реальным главой своего племени, своего государства, князь не обладал, однако, достаточной юридической и идеологической базой для оформления своих претензий и на формальное главенство. Жречество не могло дать такой санкции, ибо выражало интересы веча, тинга – институтов народоправства. Любой претендент на единодержавие рассматривался в контексте правовых и религиозных понятий древних демократий как узурпатор, и неподчинение ему вытекало из всего строя мыслей человека северной цивилизации.

Только одна идеологическая система того времени давала искателю единовластия опору для обоснования своих притязаний – христианство. Таким образом, встреча князя-язычника и миссионера из Рима или Константинополя становилась неизбежной.

Если первая волна крещения князей стала лишь фактом их биографий, то вторая, пришедшая на рубеж X-XI веков, оказалась судьбоносной для тех государств и народов, которые пребывали под властью новокрещенных монархов. Русь, Венгрия, Польша, Дания, Норвегия, Швеция одновременно подвергаются христианизации.

Но и за этой волной следует откат – по всей языческой Ойкумене полыхают антихристианские контрперевороты и восстания. Громят церкви и монастыри в Венгрии, изгоняют христиан из Поморья. Олаф Трюгвассон, позднее причисленный к лику святых, постоянно силой оружия смиряет народ, бунтовавший против служителей религии Юга. Саги, записанные уже в христианскую эпоху, недвусмысленно рисуют методы обращения в новую веру: «После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. “Мы хотим, конунг, – говорил он, – чтобы ты совершил жертвоприношение, как это делали конунги до тебя”. После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скегги. Тогда конунг говорит, что он хочет поехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм...»

И вот конунг Олаф едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олаф поднял отделанную золотом дубинку, которую он держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный. Это совершили люди конунга. Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олафа. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олаф велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства...

В Годей, на фьорде, который называется Салпти, жил бонд по имени Рауд Сильный. Рауд был очень богат, у него было много слуг. Он был могущественным человеком... Конунг

Олаф взял там великое множество денег золотом и серебром и другого имущества, оружия и различных драгоценностей. Всех людей Рауда конунг велел окрестить; тех, кто не хотел креститься, он велел убить или замучить...»

Еще круче обходился с приверженцами старой веры венгерский король Стефан, правивший в первой трети XI века, также впоследствии объявленный святым.

Наш креститель Владимир Святославич, ставший диктатором по праву сильного, но не имевший законных прав на великокняжеский престол, поначалу следовал вере отца и даже демонстрировал неприязнь к христианству. Но элита и простой люд все-таки видели в нем отпрыска рабыни (Малуши, ключницы княгини Ольги, с которой Святослав «приспал» сына), к тому же хорошо знали об обстоятельствах коварного убийства Владимиром старшего брата Ярополка, законного наследника Святослава и легитимного верховного правителя Руси. Осознав, что преданное старине общество так и не примет его, привело Владимира к мысли о том, что с переменою веры он превратится в самодержца по божественному праву, то есть постольку, поскольку сам признал над собой высшую власть. Естественно предположить, что в его окружении нашлись люди, которые помогли отыскать ключ к такому решению. В этой связи гораздо лучше начинаешь понимать известный летописный рассказ о выборе веры Владимиром – он настойчиво искал путей легитимации своего правления. Получив божественную санкцию, узурпатор превратился в законного монарха, вся предшествовавшая история становилась как бы небывшей, а отсчет новой истории начинался с самого Владимира.

Здесь я подхожу к самому загадочному эпизоду нашей древней истории. Пришедший на смену Владимиру Святополк объявляется убийцей своих братьев Бориса и Глеба, и на этом основании ему присваивается прозвище Окаянный, что, по распространенному мнению, привело к исчезновению имени князя-преступника из восточнославянского именослова. Все на первый взгляд предельно просто. Но настораживает одно обстоятельство, давно подмененное исследователями – Святополками называют своих сыновей и много десятилетий спустя потомки Ярослава Мудрого, того самого, который сверг Святополка и изгнал его из страны. Имя того, кто заклеял как убийца первых русских святых, носит внук Ярослава, сын Изяслава Ярославича (скончался в 1112 году, то есть почти через сто лет после своего «криминального» тезки), в той же ветви Ярославичей еще через три поколения появляется новый Святополк (умер в 1190 году); праправнук Ярослава – потомок другого его сына, Всеволода, также носит имя «святоубийцы» (умер в 1154 году). Только после этого Святополки исчезают из великокняжеских родословных. Следовательно, окаянство того первого Святополка было установлено не раньше середины XII века.

Теперь о самом прозвище великого князя, получившего престол в силу старшинства и совершенно не имевшего мотивов для устранения соперников – их просто не могло быть в политической ситуации, сложившейся после смерти Владимира. Даже если бы он и в самом деле оказался братоубийцей, вовсе не обязательно было пригвоздить его к позорному столбу истории столь энергичным определением. Мало ли было братоубийц до и после него! Тому же Владимиру, предательски убившему старшего брата, законного государя, это не помешало удостоиться причтения к лику святых.

Ответ на эту загадку может дать аналогия с двумя византийскими императорами, также увенчанными бранными титулами (присвоили их, разумеется, хронисты, жившие после смерти этих государей). Я имею в виду Юлиана Отступника (IV век) и Константина V Копронима, правившего с 741 по 775 год. Первый известен тем, что попытался уравнивать древнее язычество в правах с христианством. А второй, прозвище которого в буквальном переводе значит Говноименный, известен своей борьбой с иконопочитанием, грозившей утратой политического влияния церковной иерархией, а также против монашества – черноризцев он называл «мраконосителями». Не было в византийской историографии имени более нена-

вистного, чем этот император-иконоборец. Полагаю, что столь исступленное отношение именно к религиозным противникам, свойственное греческому духовенству (оно составляло влиятельное большинство и на Руси), продиктовало и присвоение прозвища Святополку. То был князь – противник христианства, попытавшийся восстановить позиции старой веры, бывшей духовным знаменем его деда, разгромившего могущественных противников, греков и хазар, исповедовавших родственные монотеистические религии, воспринимавшиеся на славяно-германском Севере, как идейную основу тирании. Именно поэтому Святополк и был задним числом дискредитирован как братоубийца – одних идеологических аргументов было явно недостаточно для наложения табу на это имя.

Параллельно с дискредитацией Святополка происходило массовое прославление лиц княжеской крови. Тем самым церковная иерархия как бы соблазняла представителей правящих династий возможностью посмертного блаженства. Когда это происходило? На исходе XII века. Что же вызвало столь активную фабрикацию святых? Быть может, Русь настолько прониклась новым вероучением, что благодать, снизошедшая на ее князей, поставила их в исключительное положение в сообществе тогдашних европейских монархов? Вовсе нет – аналогичный процесс происходил во всей Восточной и Северной Европе: особенно результативными оказались поиски святых королей и королев в Венгрии: не говоря уже о Стефане, сонм их пополнился целым десятком имен. Происходило то, что несколько раньше творилось у франков – в IX веке аббат Пасхазий Радберт ликовал: «Повсюду в этом королевстве имеются святые, и они побуждают один другого творить чудеса, подобно тому, как петухи на заре перекликаются друг с другом».

Теперь отвечу на поставленный выше вопрос: почему именно на исходе XII века церкви скандинавских и восточноевропейских стран дюжинами отправляли в рай давно и недавно почивших владетельных особ и одновременно чернили память реставратора язычества? Нет сомнений, что христианство потерпело поражение в борьбе за Север. Началось возвратное движение к старым верованиям не только среди народа, но и в верхнем этаже социальных структур – политическим выражением отхода от идеи единовластия была усилившаяся тяга к отпадению отдельных земель, а идейными памятниками этого периода стали «Слово о полку Игореве» (конец XII века), совершенно языческое по духу и стилистике, саги Севера.

В подтверждение своего вывода я могу сослаться и на данные археологии. Сравнительно недавно, в 1985 году, московские археологи произвели раскопки на горе Богит (Гусятинский район Тернопольской области Украины), там, где находилось святилище со знаменитым Збручским идолом. Вот их выводы: после недолгого запустения на рубеже X–XI веков происходит новый подъем активности жречества – святилище растет, возводятся новые постройки, приносятся жертвы, появляются новые богатые вклады (источником их могли быть только владетельные княжеские дома). Пик этого подъема приходится именно на XII век, но жертвы приносятся до самого XVII столетия!

Весьма интересные факты можно почерпнуть при анализе житийной литературы. Так, житие Евфросинии Полоцкой, написанное в начале XIII века, сообщает, что героиня этого произведения, дочь полоцкого князя, родившаяся в первые годы XII века, получила языческое имя Предислава. После своего крещения она становится одной из первых поборниц христианства. Скончавшись в Киеве в 1173 году, она была погребена в Печерском монастыре, а вскоре причислена к лику святых – третьей по счету женщиной в русской церкви. Замечу, что почти одновременно сподобившиеся этой чести мать Святослава Ольга и Анна, жена Ярослава Мудрого, также принадлежали к правящей династии. Если через 130–140 лет после крещения Руси Владимиром дочери правителей княжеств принимали христианскую веру и это обставлялось такими пропагандистскими эффектами, мы вправе сделать вывод об уникальности подобных ситуаций.

Массовое отступничество после полутора столетий христианской жизни? В этом нет ничего удивительного. История донесла до нас и более поразительные факты. В войсках славянских князей, сражавшихся в конце VIII века против Византии, действовали отряды скамаров – греков-повстанцев, отказавшихся от христианства. И это через четыре с половиной века после эдикта Константина I, объявившего религию Нового Завета государственной во всей империи! И это несмотря на жесточайшие кары к отступникам – к примеру, вождь скамаров, захваченный в бою, подвергся по приказу Константина V ужасающему наказанию: ему отрубили руки и ноги и живым вскрыли, чтобы врачи могли наблюдать жизнедеятельность человеческого организма; после этого он был сожжен.

Про консерватизм народных масс и говорить не приходится: у вятичей, по данным археологии, до XIV века прослеживается языческий обряд трупосожжения. О слабости христианства в этот период свидетельствуют и такие факты – на горе Шленже в Польше, где располагалось одно из главных языческих святилищ, идолы не уничтожаются даже в XIII–XV веках – чтобы нейтрализовать их влияние, рядом возводят церкви и часовни. Память о страшном по жестокости восстании 1038 года, произошедшем после начала погрома славянских святилищ на рубеже X–XI веков, видно, еще несколько столетий обжигала церковников. То же видим и на священной горе моравских славян – Радгосте, названной так по имени божества, – поблизости от капища возводится часовня в честь святителей Кирилла и Мефодия, но требы совершаются и там, и там.

Не были ли крестовые походы, первый из которых организован папством на исходе XI века, продиктованы желанием отвлечь военное сословие новокрещенных стран от участия в антихристианском движении, нараставшем на Севере? Возможность обогатиться в процветающих странах Востока была хорошей альтернативой борьбе против уже истощенного Юга. Папы верно сумели отвести накопившуюся на Севере энергию: став ударной силой Рима, рыцари Германии, Венгрии, Польши, Моравии подобно долго сжимаемой пружине молниеносно взломали границы Византии и Халифата, сокрушили попутно государства южных славян. Следовавшие одни за другими, эти походы привели к обескровливанию старой военной аристократии Севера. Кстати сказать, один из походов был направлен против восточного славянства, в наибольшей степени сохранившего приверженность прежним богам.

Но крестовые походы не сняли с повестки дня задачу искоренения языческих структур. Уйдя в подполье, жречество продолжало направлять духовную жизнь народов Севера. Только в городах, где проживало незначительное меньшинство, позиции христианства были прочными. Как во все времена религиозных переворотов, наиболее консервативной частью населения оказались крестьяне. Особенной же приверженностью к старой вере отличались женщины (аналогичная ситуация наблюдалась и в советскую эпоху, в период массового отхода от религии). Именно этим и объясняется новый круг репрессий, обрушившихся на тайных и явных приверженцев язычества. С конца XIV века запылали костры инквизиции, уничтожавшей ведьм. То были не фантомы, родившиеся в воспаленных мозгах духовной полиции – на кострах корчились жрицы недавнего язычества. Два века репрессий и казней наконец сломили хребет древней религии...

В славянских землях процесс возрождения язычества был прерван азиатским нашествием. Татаро-монголы, сокрушившие государственные и военные структуры Руси, огненным смерчем прошли по Венгрии, Чехии и Польше, докатились до Вены, искупали коней в Адриатическом море у Сплита. В этих условиях христианская церковь оказалась единственной силой, цементирующей единство правящих классов. Она способствовала выживанию национальной элиты, стала тем институтом, который обеспечил вызревание идей сопротивления. Эта великая миссия собирания раздробленных сил нации полностью изменила место и значение церкви в жизни славянства.

«Не думайте, что я пришел принести мир на землю, не мир пришел я принести, но меч», – эти слова Иисуса, донесенные до нас евангелистом (Мф 10:34), могли бы стать эпитафией к истории водворения христианства на Севере. Но приняв вместе с народами северного мира мученический венец в годы нашествия варваров, «греческая вера» стала сопричастницей судеб славянства. В огненном тигле татарщины переплавились языческое и Христово наследие, из кровавой купели поднялась обновленная Святая Русь.

Константинополь. Вуколеонский дворец

С наступлением ночи в покои императора Никифора, как обычно, пришла его супруга Феофано. Сообщив о прибытии невест из Болгарии для ее августейших сыновей Василия и Константина, она сказала, что должна позаботиться о девушках, и попросила не запирайте двери опочивальни.

Проводив августейшую жену полным обожания взглядом, самодержец направился к богатому иконостасу и опустился на колени перед образами. Шкура барса, распростертая на полу императорской опочивальни, часто заменяла Никифору пышное ложе, разобранное постельничим для сна. Предаваясь размышлениям о Священном Писании, великий воитель не раз забывался на пятнистой шелковистой шкуре в глубокой дреме. Так случилось и в эту полночь, когда водяные часы *клепсидры* возвестили о наступлении одиннадцатого декабря девятьсот шестьдесят девятого года от Рождества Христова.

Феофано вопреки своему обещанию не вернулась в опочивальню. С едва скрываемым волнением она расхаживала по комнатам гинекея – женской половины дворца. Время от времени она скрывалась за шторой и подолгу простаивала у окна, всматриваясь в непроглядную тьму, скрывавшую воды Босфора. В неверном свете фонарей, раскачиваемых свирепыми порывами ветра, можно было разобрать только мятущиеся кроны деревьев да тучи снега, низвергающиеся с небес.

Когда *клепсидры* показали четвертый час ночи, августа порывисто дернула шнурок звонка. Вполголоса сказала возникшему в дверях евноху:

– Пора.

Тот поднял край тяжелого ковра, закрывавшего одну из стен спальни, и из открывшейся тесной каморки молча выбрались несколько бородачей, опоясанных мечами. Щурясь на свет, они вопросительно смотрели на Феофано.

Не произнося ни слова, императрица знаком поманила за собой вооруженных людей и, неслышно ступая по коврам, прошла по темному переходу к массивным дверям. Рядом поспешал евнох. Едва он нажал на бронзовую ручку замка, как одна из створок распахнулась и поток холодного воздуха со снегом взметнул полы златотканых одежд императрицы. Завывание ветра и плеск волн ворвались в дремотную тишину дворца.

Быстро выбежав один за другим на площадку, обнесенную балюстрадой, бородачи столпились у края. Внизу во тьме волновался Босфор. Только облепленные снегом огромные статуи выступали из мрака. Украшающее набережную изображение льва, терзающего быка, казалось теперь неким мрачным знамением: едва ли не у каждого из молчаливых меченосцев шевельнулось в душе острое чувство тревоги – кто он сам в этот миг? Хищник, напряжинившийся перед последним ударом, или жертва, сведенная судорогой предсмертного ужаса...

Свист, раздавшийся со стороны пролива, едва пробился сквозь завывание ветра и металлический стук обледелых ветвей по стене дворца. В непроглядную тьму с балкона скользнула корзина на веревке. Когда канат напрягся, все, кто толпился у балюстрады, вцепились в него и, быстро перебирая руками, потащили наверх невидимый груз. Через несколько мгновений над мраморным ограждением показалась закутанная в плащ фигура, а в следующее мгновение неизвестный открыл лицо и с кошачьей ловкостью выпрыгнул из корзины.

Таким образом втащили на смотровую площадку дворца еще несколько человек. Последним из них оказался невысокий широкогрудый мужчина. Откинув капюшон плаща, он открыл узкое лицо, отороченное рыжей бородой. Цепкий взгляд голубых глаз на мгновение задержался на фигуре евноха. Энергично отведя рукой от лица рассыпавшиеся белокурые волосы, рыжебородый властно проговорил вполголоса:

– Лодку я отпустил, так что возвращаться некуда...

И первым шагнул в покои дворца.

На короткий миг прикоснулся губами к руке Феофано, ожидавшей за дверью, и уверенно двинулся по коврам в сторону императорской опочивальни.

Когда один за другим бесшумно втянулись в спальню и окружили ложе, у кого-то вырвался сдавленный возглас:

– Его нет. Назад...

– Бросился в море, – панический шепот, казалось, заполнил пространство, слабо озаренное светом лампад иконостаса.

Голубые глаза обожгли яростным взглядом лица сообщников, перекошенные мгновенным ужасом.

– Вот он, – шепотом крикнул евнух императрицы, забежавший за ложе. Трясущиеся пальцы его указывали на грузную фигуру императора, распростертую на шкуре. Никифор спал, положив лицо на согнутую в локте левую руку. Правая, откинута в сторону, с беззащитно раскрытой могучей дланью, лежала на красном войлоке, устилавшем пол. Рядом валялись четки из слоновой кости.

В одно мгновение паника сменилась иступленной радостью. Отталкивая друг друга, заговорщики бросились к императору и принялись что есть мочи пинать его ногами, на голову и спину спящего обрушились удары тяжелых ножен. Когда очнувшийся от сна Никифор обратил к нападавшим иссеченное морщинами темное, как бы продубленное, лицо, один из них нанес ему сильнейший удар мечом и рассек череп. Обливаясь кровью, император с трудом встал на колени и громовым голосом воззвал:

– Мать Божья, помоги!

Рыжебородый коротышка с размаху опустился на постель самодержца и со спокойной яростью велел сообщникам притащить к нему Никифора.

Император уже настолько ослабел от страшной раны, что не мог стоять на коленях и повалился навзничь, продолжая призывать Богородицу на помощь.

Рыжебородый развалился на скомканном покрывале и, возвысив голос, заговорил, постепенно раскаляясь от собственных слов:

– Скажи, безрассудный и злобный тиран, не я ли, Иоанн, прозванный Цимисхием, возвел тебя на ромейский престол? Не мне ли ты обязан верховной властью, которой упивался шесть лет и четыре месяца? Как же посмел ты, косматый каппадокиец, забыть об этом благодеянии и отрешить меня от командования войсками Востока? Ты отправил меня в деревню, дабы я проводил время в обществе мужиков, вместо того, чтобы по-прежнему наводить страх на врагов империи и вселять отвагу в сердца ее доблестных воинов...

Иоанн схватил императора за черную с проседью бороду и принялся безжалостно терзать ее, с силой мотая окровавленную голову Никифора из стороны в сторону. Сообщники его наносили по лицу жертвы беспорядочные удары рукоятями мечей.

– Перед этой десницей дрожали полчища богоненавистных агарян, – воскликнул Иоанн, вскинув вверх руку с обнаженным мечом. – И ничто не спасет тебя от нее...

Обрушив на императора свой меч, Цимисхий рассек его череп надвое и, отбросив оружие, резким кивком головы приказал заговорщикам довершить истязание.

Мечи и острый как жало акуфий – род изогнутого копья – еще долго терзали уже бездыханное тело.

Когда через неделю Иоанн Цимисхий направлялся из Большого дворца в храм Святой Софии, улицы были запружены толпами народа, возбужденного известием о предстоящей коронации шестидесятого императора Византии. Кавалькада, возглавляемая новым самодержцем, во весь опор неслась по мощеным улицам. Завидев красные сапоги – издали заметный знак императорского достоинства – чернь восторженно ревела. Сподобившиеся лицезреть щедрого воителя, сменившего прижимистого Никифора, крестились и повторяли

вслед за псаломщиками: «Вот восходит утренняя звезда! Бледная смерть сарацинов, Иоанн властитель! Многая лета самодержцу Иоанну!»

И волнами нарастая по мере приближения процессии к Храму Премудрости Божией неслось отовсюду: «Многая лета, многая лета, многая лета!»

Когда оруженосец Иоанна начертал стрелой на колонне храма год начала нового царствования, к Цимисхию, которого патриарх Полиевкт только что увенчал императорской диадемой, подлетел кто-то из придворных и сладким голосом пропел:

– Да подаст тебе Бог победу в этом году над безбожными росами.

В сознании Иоанна всплыла картина, увиденная несколько недель назад, когда он только что вернулся в Константинополь из ссылки. Тяжелые цепи из огромных звеньев, обледеневших в тех местах, где их касались волны пролива, тянулись от башни городской стены через устье бухты Золотой Рог к Галате, укрепленному предместью столицы на противоположном берегу. Сопровождавший Иоанна эпарх, начальник службы порядка, объяснил, что цепь натянута по распоряжению Никифора дабы преградить судам росов путь в гавань Константинополя. Тогда только и осознал Цимисхий размеры опасности, нависшей над империей.

Пребывая в войсках, сражавшихся против арабов в Сирии, Иоанн склонен был считать известия об угрозе со стороны северных варваров не стоящими внимания. Вторжение росов в Болгарию, произошедшее несколько лет назад, казалось издалека одним из тех многочисленных набегов, что беспрестанно терзали империю. К тому же он склонен был считать, что Никифор сознательно преувеличивает размеры опасности, дабы умалить подвиги доблестных войск Востока.

Вторжение Святослава в Болгарию

Только увидев размах военных приготовлений в столице, Цимисхий понял, что ему, вероятно, придется лично участвовать в предстоящей борьбе.

Эти мысли не оставляли его все то время, пока конная процессия медленно двигалась от Святой Софии по ипподрому. Глядя на выстроившиеся в линию реликвии, напоминавшие о великом прошлом империи – вывезенный Юлианом Отступником из Египта обелиск фараонов, медную колонну из храма Аполлона в Дельфах, представлявшую трех сплетенных змей, возносящийся выше всех обелиск с медными барельефами, сооруженный по повелению императора Феодосия, Цимисхий думал о том, что в те времена, когда воздвигались эти памятники, держава была в несколько раз больше и никто даже не слышал имени народа, сегодня угрожавшего Константинополю.

Первой его заботой по окончании коронационных торжеств стала подготовка к отражению неприятеля. Вызвав к себе всех, кто мог бросить свет на обстоятельства, приведшие к столкновению с росами, Иоанн предложил прежде всего изложить все, что известно о происхождении этого варварского племени, о населяемой им стране, об обычаях и верованиях, о приемах ведения войны и наконец о князе Свендославе, возглавляющем росов.

Первым заговорил патриарх Полиевкт. Пламенный взгляд его глубоко запавших глаз, энергичная речь плохо вязались с телесной немощью старца.

– Да будет тебе ведомо, самодержец, что говорит божественный Иезекииль: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Реченное через пророка подтверждает святой Иоанн в Апокалипсисе: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из тем-

ницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань». Живем мы, братия, в последние времена, ибо близка к исходу тысяча лет от Воплощения Бога нашего Иисуса Христа...

– В Библии еще что-нибудь есть о росах? – деловито спросил Цимисхий.

Патриарх отрицательно покачал головой с таким выражением, что всем стало ясно: он считает эти свидетельства вполне исчерпывающими.

– Дозвольте мне сказать, кесарь, – обратился к Цимисхию катепан – наместник – Фракийской фемы, области, пограничной с Болгарией.

Суть предложений катепана сводилась к тому, что нужно поручить чиновникам, занимающимся приемом иностранных посольств, опросить сведущих людей – лазутчиков, побывавших на территории Болгарии, занятой сейчас росами, купцов, бывавших в стране северных варваров, иноземцев из местностей, сопредельных с державой Свендослава. На основании таких расспросов можно было бы подготовить связную справку по интересующим императора предметам. Со своей стороны наместник Фракии вызвался предоставить нескольких переводчиков, знающих славянские языки и бывавших на Дунае, где ныне расположены основные силы архонта русов богоненавистного Свендослава.

Самодержец признал предложение разумным, и спустя две недели Цимисхию была представлена обстоятельная записка о росских делах.

Будучи человеком практичным, Цимисхий едва удостоил вниманием многословные рассуждения некоего книжника о Гоге и Магоге, помещенные в начале свода. Его больше занимали выдержки из сочинений разных авторов, писавших о прежних нашествиях росов на Ромейскую державу, а также свидетельства очевидцев, побывавших в славянских землях.

...В Житии святого Георгия Амастридского, писанном сто пятьдесят лет назад боговидцем митрополитом Игнатием, так о сем народе повествуется, на Амастриду, град Понтийский, обрушившемся:

«То, что следует далее, и еще более удивительно. Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение. Верховный промысел допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль».

Из чего следует вывод: люди сии, Светом Божественным непросвещенные, против святой церкви воинствуют и ниспровержение ее первой своей доблестью почитают. О том же и блаженный патриарх Фотий говорит, когда нашествие росов на Константинополь описывает, каковое в 860 году по Божественному соизволению свершилось:

«...Я вижу, как народ грубый и жестокий окружает город, расхищает городские предместья, все истребляет, все губит – нивы, жилища, пастбища, стада, женщин, детей, старцев, юношей – всех поражает мечом, никого не жалея, ничего не щадя. Всеобщая гибель! Он, как саранча на жатву и как плесень на виноград, или, лучше, как зной или тифон, или

наводнение, или не знаю, что назвать, напал на нашу страну и истребил целые поколения жителей...»

О тех же безбожных росах император Константин Багрянородный пишет в сочинении «Об управлении государством». Глава IX целиком посвящена варварскому сему племени. Поименована она «О росах, приезжающих из России на однодеревках в Константинополь»:

«Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Немогарды, в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их Славяне, называемые Кривитеинами и Лендзанинами, и прочие Славяне рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с наступлением весны, когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как озера эти соединяются с рекой Днепр, то оттуда они сами и входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают Руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды, раснащивают старые однодеревки, берут из них весла, уключины и прочие снасти и оснащают новые. В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодеревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру... и приходят к так называемой Крарийской переправе, где Херсониты переправляются на пути из Руси, а Печенеги – в Херсон. Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому, а вышиною от его низа до того места, где сидят союзники, так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему Печенеги приходят и на это место и нападают на Руссов. Пройдя это место, они достигают острова, называемого св. Григорием, и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные приносят куски хлеба, мяса и что имеет каждый, как требует от него обычай. Насчет петухов они бросают жребий, – зарезать ли их (в жертву), или съесть, или пустить живыми. От этого острова Руссы уже не боятся Печенега, пока не достигнут реки Селины. Затем, двинувшись от этого острова, они плывут около четырех дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки; в нем есть остров св. Эферия. Пристав к этому острову, они отдыхают там два-три дня и опять снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и реями, которые привозят с собою. А так как лиман, как сказано, составляет устье реки и доходит до моря, а со стороны моря лежит остров св. Эферия, то они оттуда уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув ее, снова отдыхают. Когда наступит благоприятная погода, они, отчалив, приходят к реке, называемой Белою, и, отдохнувши там подобным образом, снова двигаются в путь и приходят к Селине, так называемому ответвлению (рукаву) реки Дуная. Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут Печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять Печенегам. От Селины они никого уже не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная. От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, – все эти места находятся в Булгарии, – от Дичины достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание».

Писано сие в 950 году. С той поры обычаи росов не переменялись, что подтверждают купцы, с торговыми нуждами в Киеве бывающие. Не далее как в прошлом году вернулись оттуда несколько достойных мужей, от коих расспросные листы взяты. Все они показывают, что нынешний архонт росов Свендослав – закоренелый язычник, над христианской верой ругается и своих одноплеменников от нее отвращает. Даже матери своей, княгине Ольге, в 955 году от патриарха Феофилакта крещение принявшей, всячески противодействовал. Цер-

ковь Святого Николая, что в Киеве тщанием местных христиан выстроена была, разрушить повелел.

Сверх того об архонте росов известно следующее: от роду ему около тридцати пяти лет, после смерти родителя его, князя Игоря, воспитывал Свендослава старый сподвижник отца Асмуд, выходец из северных стран. То был суровый воитель, с юных лет он прививал своему воспитаннику любовь к походной жизни. Нынешний князь все детство провел среди дружинников, деля свое время между воинскими упражнениями и охотничьими забавами. Родительница его, судя по всему, крестилась в Константинополе из соображений политики, ибо ничего не сделала для христианского просвещения собственного отпрыска и своего народа. Она и сама как истая язычница предавалась охотничьим утехам – по всей земле росов есть ловища, для княгини устроенные.

Пять лет назад Свендослав совершил поход на Восток, в земли славян, которые прежде были данниками хазарского кагана, и привел их под власть росов. Затем князь направил свои войска против Хазарии и разгромил в сражении самого кагана, а столицу его разрушил. Разорив множество городов хазарских, пронесся он, словно бич Божий, по землям алан и касогов и подошел к Меотиде, где занял хазарские крепости и поставил свои отряды.

Миниатюра из Ватиканского манускрипта XIV века (хроника XII века Константина Манассия). Вверху изображено завоевание Святославом Болгарии, внизу – поход Иоанна Цимисхия на Доростол.

Таким образом безбожный сей Свендослав стал угрожать нашим владениям в Тавриде. Покойный император Никифор рассудил, что такое соседство ничего хорошего не предвещает – зная ненасытность архонта росов к воинским подвигам и завоеваниям, следовало ожидать его вторжения и в Херсон. Оттого и созрела у Никифора мысль отвлечь Свендослава от дерзких намерений. Для этого он решил направить в Киев с секретной миссией Калокира,

сына херсонесского стратига. Сей молодой муж хорошо знает порядки в стране русов, ибо не раз бывал там с отцом, а, главное, обнаружил незаурядный ум и умение ладить с варварами. Приняв все это в соображение, покойный император почтил его высоким титулом патрикия – не столько, может быть, из-за высокой оценки Калокировых достоинств, сколько ради придания веса его миссии в глазах Свендослава.

Главной приманкой для варварского правителя, которая заставила бы его отказаться от нападений на Херсонес, могла стать Болгария. Правящий ныне царь Петр давно сделался игрушкой в руках тех сил, которые настроены против империи. Именно по их внушению он не раз пропускал через болгарские земли полчища венгров, направлявшиеся грабить Македонию и Фессалию. В ту пору, когда нам приходилось вести войну против сарацин на Крите и в Сирии, эти безобразные язычники точили нож для удара в спину нам. Ничего не было бы лучше, чем отплатить им той же монетой и натравить на них Свендослава. Наши фемы в Европе вздохнули бы свободно, и угроза Константинополю была бы отведена.

Калокиру было вручено тысяча пятьсот фунтов золота для передачи Свендославу, дабы побудить русов к вторжению в Болгарию. По всей видимости, варвары не устояли перед блеском золота. В августе 967 года войско киевского архонта появилось на устье Дуная, а через несколько дней обложило Малый Преслав, который русами именуется Переяславлем.

Походы князя Святослава на хазар и в Болгарию

Чтение записки о русских делах было прервано главным евнухом – паракименоном Василием. Войдя в покои Цимисхия, он попросил прощения за то, что оторвал его от дел, но, сославшись на важность полученных известий, попросил дозволения представить императору гонца, только что явившегося из пограничной фемы Фракии.

Первыми словами прибывшего были:

– Блаженнейший август! Великая важность сведений, добытых лазутчиками, побывавшими в болгарской столице Преславе, заставила меня, оставив все дела, без отдыха мчаться среди волнуемой стихии... При дворе царя Петра, плененного русами, обретается патрикий Калокир. Предводитель полчищ русов, стоящих в этом городе, Сфенкел, неизменно

пирует в компании Калокира. От людей, бывавших на этих застольях, слышали мои соглядатаи: хвастался Калокир, что заключил с самим Свендославом договор, дьявольское коварство патрикия облачающий – за помощь в завоевании престола признает он право Свендослава владеть всей Болгарией, а также озолотит его сверх меры от казны императорской...

Цимисхий отшвырнул пергамент, который только что читал. Кровь бросилась ему в лицо: случилось то, чего он страшился – появился претендент на престол, занятый им силой. У него нет еще настоящей поддержки в армии и в народе, далеко не везде удалось насадить своих людей... Да, искатель престола, опирающийся на огромную силу русов – это похуже чем племянник убитого Никифора, только что объявивший себя императором. Мятежник опасен, но справиться с ним может один из стратигов, а вот со Свендославом придется сразиться самому Иоанну...

Переяславец на Дунае

Послы с поклонами ставили перед Святославом дары – сундуки и шкатулки, свернутые трубочкой шелка, отливающие всеми цветами радуги дамасские мечи и богато отделанные седла. Великий князь, сидя на кончике трона, нетерпеливо покусывал ус – бесконечная церемония донельзя надоела ему. Встретившись с испытующим взглядом одного из греков, Святослав подумал, что у людей императора не только миротворческая задача, наверняка среди многочисленной посольской челяди немало соглядатаев, желающих выведать настроения русских. Вот и сейчас, наблюдая за отношением князя к дарам, хитрый грек пытается понять его нрав.

Портрет Святослава Игоревича из Царского титулярника

Святослав протянул руку за мечом, положенным на ступеньку возле трона, провел пальцем по замысловатой гравировке лезвия. Затем осмотрел все богатое оружие, подаренное императором. Остальные подношения он удостоил лишь беглого взгляда. Пусть многоумудрый соглядатай передаст своему государю, что усмотрел у дикаря (ведь так они понимают славян, да и вообще всех не христиан) лишь страсть к оружию, что, следовательно, влечет его война, а не мирное вкушение благ земных. Не повредит, если Цимисхий решит, что такого кровожадного язычника можно смирить лишь уступками, а не дарами.

Это уже второе посольство от нового императора. Святослав наслышан, что у Иоанна немалые трудности из-за Варды Фоки, племянника убитого императора Никифора. Когда покойный самодержец посылал в Киев Калокира, он намеревался с помощью русских свалить враждебного ромеям болгарского царя. Когда сам он стал жертвой заговора, Святослав сделался той силой, от которой зависит внутренний порядок империи. Надавит на Фракию и Константинополь, и Цимисхию будет уже не до борьбы с Вардой Фокой, тоже обувшимся в красные сапоги – знак императорского достоинства. Тогда войска Востока уйдут под Царьград, и мятежный полководец соберет под свои знамена всех недовольных, всех, кто мечтает о возвышении.

Портрет Святослава Игоревича из Царского титулярника XVII в.

Цимисхий постоянно засылает лазутчиков – не раз ловили здесь греков или болгар-христиан, одетых по русскому обычаю. Вот и зачастившие посольства – они тоже хотят выведать все об обычаях, о нравах Руси, а больше всего о самом Святославе, потому и доносили князю: спрашивали изобличенные в соглядатайстве о родителях, о воспитателях его, о вере русской. Знает князь, что распространяют греки вздорные слухи об особой жестокости славянских воинов. Читал ему Калокир и сочинения, где русские походы на империю как нашествие кровожадной саранчи представлены. Чего только не приписано воинам Севера, но порождены эти басни теми военными обычаями, что в самой Византии ведутся: десяткам тысяч побежденных императоры повелевают глаза выколоть, отрезают носы, вскрывают заживо, чтоб видны были содрогающиеся внутренности жертв. Не-ет, никогда не были славяне столь бессмысленно жестоки. Они крушат капища христианского бога, это правда, но на то есть у них причины...

Да, все, что могут рассказать о русах соглядатаи Цимисхия, Святослав знает. А вот о нем самом... Любопытно было бы послушать, что доводят до ушей кесаря эти пронырливые расспросчики. В войске, конечно, ходит много всяких баек и про Игоря, отца Святослава, и про Олега вещего и про Асмуда. Великий князь и сам путает иной раз, что помнит об отце и что запало в память из рассказов старших дружинников и матери...

Святослав едва дотягивается до конского стремени привстав на носки. Обернувшись на отца, встречается с его требовательным взглядом. Игорь перепоясан тяжелым мечом, который почти касается земли, отчего кряжистая фигура отца кажется приземистой. На иссеченном морщинами темном лице молодо сияют синие глаза. Стоящий рядом жрец также пристально глядит на ребенка. Игорь и его ближайший советник ждут, как проявит себя наследник – робким или настойчивым. И когда мальчик решительно дернул за стремя, к нему тут же кинулся один из дружинников и посадил в седло. Гул одобрения прошел по рядам воинов, смотревших на первое приобщение княжеского отпрыска к воинскому делу. А когда Святослав не только сумел удержать в руке тяжелое копьё, но даже бросил его вперед на аршин от себя, дружина и вовсе возликовала...

Жарко топятся печи во дворце, гудит в трубах ветер. Мутный свет едва пробивается через затянутые пузырем оконца. Мать рассказывает Святославу о своей родине: там не то, что в Киеве, там теперь снег лежит по грудь и дети, вместо того, чтобы прятаться от дождя в теремах, катаются на салазках по залитому береговому склону и по ледяному полю, покрывшему реку Великую. Когда Святослав подрастет, они обязательно поедут к его деду, знат-

ному псковичу, и тогда он сам увидит, сколь прекрасны ее родные места. Мальчик грезит: как мчится в санях по замерзшему Днепру в далекую северную сторону, как сопровождающие его верховые дружинники то и дело уносятся вперед, заведя лисицу или оленя в прибрежном кустарнике. Топот множества ног прерывает его полудремотные думы, чей-то негромкий голос роняет слова: ...Игорь... убит... казнен... Короткий и страшный крик матери...

*Князь Игорь собирает дань с дrevлян в 945 году («Полюдь»)
(К.В. Лебедев)*

Святослав сидит на гнедом коне. По сторонам от него возвышаются седоусый Асмуд в шлеме и кольчуге и Свенельд, совсем молодой, одетый в просторную полотняную рубаху, с обнаженным бритым черепом, как бы поделенным надвое ниспадающей с темени русой прядью. Впереди – частокол копий, конница дrevлян замерла перед схваткой. И снова, как в день своего посвящения в воины, Святослав поднимает тяжелое древко и бросает копьё между ушей коня. Вырвавшись из его взмокшей ладошки, копьё вонзается в землю перед головой гнедого, и сразу, отскочив от камня, ударяет в ногу коня. Седло разом уходит из-под Святослава, но Свенельд на месте. Могучей рукой осадив перепуганное животное, он зычно возглашает: «Князь начал! И мы пойдем!» Святослава еще не успевают снять с гнедка, а белая рубаха Свенельда и золотистая кольчуга Асмуда уже уносятся туда, где исполчилась вражеская рать. Лавой проносятся мимо Святослава конные воины, яростно вскидывая копьё и в нечеловеческом крике раздирая рты...

*Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря
(В. Суриков, 1915)*

Святослав стоит перед огромной кладкой из сухих бревен, над которой возносится оскаленная пасть дракона – навершие носовой части ладьи. Только что жрецы провели по помосту над бревнами двух любимых коней Игоря. И вот они появляются вновь с окровавленными ножами в руках. Свенельд, наклонившись к Святославу, поясняет происходящее: в той жизни князю понадобится все то, что окружало его на земле, потому и кладут вместе с ним в могилу оружие, одежду, коней... А по помосту шатаясь идет юная наложница, убранная как на свадьбу: в богатых монисто, в золотых подвесках, в венке из первых луговых цветов. Она тоже будет сопровождать Игоря в вечность, говорит Свенельд. Огромный костер поглотил ладью. Нестерпимый жар отогнал толпу от места погребения князя. Огромные обугленные бревна взлетают как тростинки над морем огня и, ударяясь о землю, рассыпаются кучами багряных углей. Когда в небе над костром мелькнула черная птица, кто-то сказал позади Святослава: во-он, полетела в рай душа нашего князя...

*Похороны знатного руса.
По мотивам рассказа Ибн Фадлана о встрече с русами в 921 году. (Г. Семирадский)*

У подножья свеженасыпанного кургана на расстеленных коврах сидят вкруговую волхвы, родня князя, самые близкие его сотоварищи. Дальше на травянистом лугу расположились тысячи людей. Передают из рук в руки туры рога, окованные серебром. Когда сосуд с хмельным медом снова доходит до Святослава, мальчик отрицательно трясет голо-

вой, и главный волхв легким кивком утихомиривает назойливого усача, который сует рог юному князю. Взяв тяжелый поминальный кубок, жрец медленно отпивает из него, а остатки выливает на желто-бурую глину у основания кургана. «Смотри!» – говорит он, протягивая рог Святославу. Его темный старческий палец медленно скользит вдоль чеканки, покрывающей край. – «Здесь рассказано о том, что станет с каждым из нас, когда мы переселимся в иной мир. Как пробивается трава из-под снега, так и человек после короткого сна пробудится для нового бытия. Жизнь то замирает, то возрождается». Святослав внимательно следит за объяснениями волхва, эти странные цветы на серебре, оказывается, обозначают времена года, мужское и женское начала, от которых берет исток все под небом, а вот этот пронзенный стрелой человек – властитель подземного мира, который пытался похитить богиню плодородия, а эти свившиеся в клубок волки знаменуют вечную борьбу между солнцем и тьмой. «Жизнь – это война?» – спрашивает мальчик, указав на грызущихся зверей. В тот же момент могучие руки Свенельда подхватывают его. «Вы слышали?! – с восторгом восклицает воин. – Князь молвил великое слово! Жизнь – это война!» Участники трапезы вскочили на ноги и громовым эхом отозвались: «Жизнь – война!» «Ты будешь настоящим князем», – жарко дыхнув в лицо Святослава, сказал Свенельд...

Вот и настал тот день, о котором мечталось – Святослав едет зимним Днепром на север. Нестерпимо блестит снег под февральским солнцем. Под медвежьей полостью тепло в возке, только щеки и нос пощипывает легкий морозец. Рядом с мальчиком только старый волхв, мать осталась в Киеве, теперь она сама княжит, как с едва скрытой неприязнью говорит Свенельд. А вот и он – несется навстречу на сером в яблоках коне. То и дело он отрывается вперед, чтобы посмотреть, не грозит ли что князю.

– Боюсь, как бы смерды не придумали какую-нибудь каверзу. Недавно здесь дружина в полюдьё шла...

Этот ежезимний объезд земель для сбора дани в княжескую казну не раз вызывал бунты и разбои. Так и отец Святослава Игорь, взяв дань с древлян и решив, что не добрал, пришел вдругорядь под их город Искоростень. Там и нашел он свой конец – подвергли его восставшие мучительной казни: к двум согнутым березам привязали...

– Ежели пошалаила где дружина, – объясняет Свенельд, – людишки на всяком князьем человеке обиду выместить ищут.

– Так зачем же они своих гнетут? – спрашивает Святослав. – Неужто нельзя добычу в иных краях взять?

– Толково, – хвалит Свенельд. – Мечом все добудешь. Да только не всегда боги удачу дают в чужой земле, там тоже охочи за счет других поживиться...

– А, так мы со своих смердов собираем, чтоб от тех, кто посильнее, откупиться? – догадывается Святослав.

Свенельд только кряхтит в ответ, потирая выбритый подбородок.

Добрались-таки и до материнской вотчины – Пскова-города. Над утонувшими в сугробах бревенчатыми избами столбами поднимаются дымы, снег гулко хрустит под копытами лошадей и полозьями саней, а у Великой катаются в сугробах голые красные люди, объятые облаками пара. Одни скрываются в крохотных избушках, другие вылетают им навстречу.

– Еще не то увидишь, князь, – подмигнул возница. – Ужо возьмем тебя в баню, натерпишься – веником тебя березовым до костей истреплют...

Пока ждали весны, Святославу многожды довелось отведать псковской бани. И если сначала она была для него сущей пыткой, то к отъезду из Пскова он и помыслить себе не мог, как закончить неделю без этой потехи.

По большой воде ушли из Пскова, через Чудское озеро и Нарву добрались до моря. Стоя на берегу и вглядываясь в свинцовую даль, Свенельд сказал:

– Ты узнал родину матери, теперь достиг родины твоего отца. Вот она – ибо не земля, а море истинный дом варяга. Отсюда пришли мы все за Рюриком на призыв Новгородского веча...

Несколько дней и ночей в беспокойном море показались Святославу вечностью. Наконец из серой мглы выступили ярко-белые береговые обрывы острова Руяны. Волхв воздел руки и стал произносить заклинание. Юный князь вслушивался в его слова и с удивлением узнавал заговоры, которыми во время его болезни старуха-ведунья сопровождала приготовление травных настоев. Тогда на слух он понимал ее слова по-своему: «На острове Буяне, на море-окияне стоит дуб морецкий, под ним бел-горюч камень алатырь...» А, может, и сама ведунья узнала это молитвословие прошедшим через сотни и тысячи уст и обкатавших Руяну в Буян, а алтарь в алатырь? Теперь жрец возвращал на глазах Святослава первоначальный смысл старому заклинанию: «На острове Руяне, на море на Каяне стоит дуб морецкий, под ним бел-горюч камень алтарь, на нем лежит бык печеный, в нем торчит нож точеный...»

Прибыв на мыс Аркона, князь убедился, что обстановка языческого святилища в точности соответствовала описанию древнего стиха: здесь, на северной оконечности Руяны действительно находился священный дуб, к которому стекалось все славянство, а на огромном алтаре, высеченном из белого песчаника, день и ночь горел священный огонь, в котором очищались принесенные в жертву быки, на этом же алтаре лежал ритуальный нож для заклания животных...

Волхвы, одетые в длиннополые рубахи с вышитыми знаками солнца, с серебряными бляхами двумя рядами стояли перед огромной каменной статуей Святовида, четыре лика которого смотрели на все стороны света. Звучал гулкий бас главного жреца Арконы, испрашивавшего у бога помощи для русского князя, защитника славянских земель от хазар и ромеев. Святослав, забывшись, что есть силы сжимал локоть Свенельда: ему привиделось, как он во главе многотысячелодейного флота плывет по узкому, сжатому горами проливу к сереющим вдали стенам Константинополя, к повисшим в дымке сотням его куполов. Рассказы воинов, ходивших на империю вместе с Игорем, настолько занимали его воображение, что иной раз образы этих битв казались ярче самой яви.

Сколько он себя помнит, вокруг всегда велись разговоры о христианстве и славянской вере. Особенно частыми стали они после поездки матери в Константинополь. Вернувшись оттуда, она привезла с собой жреца-грека, черного и носатого, как грач. Он и держал-то себя, как птица на развороченной плугом пашне – ходил вперевалку, выставив вперед округлый живот, склоняя голову то на один бок, то на другой. Грек говорил по-русски на болгарский лад – твердо, отрывисто. Подойдя к Святославу и склонив голову на бок, поглаживал его по волосам унизанной перстнями рукой, в голос вздыхал, призывая на помощь Божьего Сына. Князь спрашивал, какого именно бога имеет в виду грек: Перуна, Сварога, Святовида.

– Бог един, – ласково улыбаясь, отвечал жрец. – Он повсюду, и без воли его ничто не происходит, им жива всякая тварь.

– И все плохое? – удивлялся Святослав.

– Нет, нет, плохое – от дьявола.

– Ну вот видишь, – торжествовал князь, – еще один бог. А где два, там и три, и десять. Боги воюют между собой, если один сделал что-то, другой норовит навредить ему, вот отсюда и происходит добро и зло. А ты говорил совсем по-другому.

Грач взволнованно вертел головой, громко просил Сына Божия смилостивиться над малолетним грешником.

– Волхвы научают тебя ложным мнениям. Они представляют себе действия нашего Бога и богов, в которых верят сами, во всем подобными человеческим. Но Бог неизмеримо выше каждого из нас, его помыслы недоступны нашему пониманию...

– Ты же сам говорил мне, что Он создал человека по своему подобию. Отчего же тогда мы не должны уподоблять его мысли нашим собственным?

Среди христиан не было дружинников, но в городе они селились целыми улицами. Самые богатые дома принадлежали последователям греческой веры – первым стали исповедовать ее торговые люди. Как говорили волхвы, христианство приняли те, кто подолгу жил в Константинополе и других местах империи по купеческой надобности. Их прельстило и то, что в Христовых установлениях многое напоминает торговую сделку: поступил, как заповедано – получай вознаграждение.

Когда князь приходил к дружинникам, его восторженно приветствовали эти сильные красивые люди. Он любил сидеть среди них, слушая рассказы о дальних походах, о сражениях в горах и битвах на море. Святослав с почтением трогал затвердевшие шрамы от страшных рубленых ударов, от ожогов греческим огнем, полученных под стенами Царьграда, на Сицилии, в Африке. Многие из тех, кто служил в Киеве, ходили прежде с датскими и норвежскими херсирами, осаждали крепости и монастыри Британии, штурмовали франкские города, воевали в Испании и Италии. Они с презрением говорили о торгашах, превыше всего ставя верную руку и добрый меч.

Поездку на Аркону задумал Свенельд. Услышав как-то, что княгиня Ольга обещала сыну свозить его на свою родину, варяг завел речь о том, что и на родине деда, Рюрика, не худо бы побывать будущему властителю Русской державы. А когда мать отговорилась занятостью делами управления, Свенельд предложил себя в провожатые. Святослав сразу понял по разгневанному лицу матери, что ее поймали на слове, и тут же закричал: «Я поеду, я поеду!» Он знал о ее плохо скрытой неприязни к Свенельду: все попытки Ольги сблизиться с сыном оканчивались неудачей, Святослав предпочитал проводить время на дружинном дворе.

Об Арконе Свенельд сказал только когда отплыли из Пскова. До этого их разговоры о родине предков касались только тех мест возле датских владений, откуда за сотню лет до того отправился Рюрик по призыву новгородского веча. Главный город тех мест именовался Старградом – по преданию, когда-то из той же земли ушли и те, кто в дальних краях основал Новый город. А когда настала смута, послали за помощью к сородичам. Рюрик поднял все свое племя и ушел из-под Старграда, но до самой смерти помнил о том, что каждый славянин должен чтить священный дуб на Руяне, заботиться о благосостоянии святилища.

Когда Святослава ввели в деревянный храм, у него голова кругом пошла от обилия знамен, статуй, богато отделанного оружия. Здесь хранились священные знаки славянских племен, живших по берегам Варяжского моря, здесь же поклонялись богу войны и удачи викинги с Готланда, датчане и норвежцы – каянские немцы, по имени которых иной раз именовали и само море: «на море, на Каяне, на острове Руяне...»

Подойдя к верховному жрецу, седовласому старцу в белом одеянии, расшитом красными знаками солнца и фигурами небесных оленей, Святослав склонил голову, дабы принять благословение. От дыма очистительных костров, через которые он прошел прежде чем вступить в храм, от звона гуслей и гудения волюнок все плыло перед глазами. Голос волхва проникал в его сознание словно бы сквозь толщу воды.

– ...и станешь великим воителем... собирателем земли... и наложишь узду на утеснителей... и обратишь в прах великие царства... и возжешь на алтарях чужих богов огонь во славу Святoviда, Перуна, Сварога, Дажьдбога...

С матерью по возвращении в Киев так и не наладилось. Еще большим отчуждением веяло от него в их свидании после полугодичной разлуки. Чем сильнее старалась она удерживать Святослава под своим влиянием, тем решительнее рвался он к дружине, к мужским забавам. Даже совместные поездки, устроенные Ольгой в богатые охотничьи угодья, не способствовали укреплению взаимной привязанности.

Чужая вера наложила отпечаток на многое в княжеском дворце. Там, где прежде шумели пиры, где гудели гусли и плясали ряженые, теперь появились постные монашенки с иссохшими от поста лицами, с княжеской поварни подолгу несло пареной репой и капустой, а крепкий и бодрящий запах испеченной на углях дичины шел только с дружинного двора.

– Умора! – говорили там. – Эти попы и ихние выученики думают заслужить благосклонность своего бога тем, что по месяцу и по два мяса не вкушают. Ну скажи на милость, какая разница ихнему богу, что у тебя в кишке?..

Но дело было не только в постах. Все большую силу при Ольге стали забирать люди с тех улиц, где высились купола, увенчанные крестами, среди них немало иноземцев. И, соответственно, все реже спрашивала княгиня совета у волхвов.

– Не в самодержицы ли себя возвести мечтает? Не мнит ли греческим властительницам себя уподобить? – озабоченно толковали на вече.

Все знали, что в христианских странах народные собрания перестали главенствовать в делах государства. Древние вольности упразднились по мере утверждения новой веры, которая и на небе и на земле знала одного владыку. Волхвы, которые издревле были хранителями вечевой памяти, первыми лишались влияния при смене богов.

– Ежели один над всеми вознесется, – стращали жрецы, – не слышать вам больше вечевого звона, не совестно жить станем, а по хотению того, кто возвысится.

И Святослава беспрестанно увещевали:

– Помни, князь, с чего твой родич Олег в Киеве начал, когда вместе с отцом твоим Игорем, в малолетстве пребывавшем, сюда из Новгорода приплыл. Он Аскольда и Дира лютой казни предал, ибо возжаждали они власти, а потому к христианскому Богу переметнулись.

Историю о вокняжении Игоря в Киеве хорошо знали все. Когда-то, еще при жизни Рюрика, новгородское вече постановило построить на среднем Днепре, близ границы с Диким Полем сильную крепость. Двое знатных дружинников были направлены с отрядами на поиски подходящего места. Облюбовав малый городок на правобережной горе, названный по имени своего основателя Кия, варяги вступили в переговоры с его жителями – полянами. Пообещав защиту от имени новгородского веча, на службе которого они состояли, Аскольд и Дир заручились помощью окрестных славян в строительстве укреплений.

Из Киева Аскольд и Дир ходили походами на греческие города Херсона, добирались по морю до коренных земель самой империи, разоряли побережья Фракии и Вифинии. Часть захваченного добра раздали дружине и употребляли на укрепление Киева, а остальное отправляли в Новгород; распределением добычи ведали жрецы, управлявшие вечевой казной.

Но в одну из зим вскоре после смерти Рюрика ежегодное поступление с юга не пришло в срок... Минуло много недель, а вестей из Киева все не было. Посланные дознаться о причинах такой задержки вернулись с известием, что Аскольд и Дир решили отложиться от Новгорода – объявили, что приняли от императора крещение и посему становятся его союзниками, а не врагами. А новый бог, которому они повиновались, вручил им, по их словам, власть над Киевом. Ни вече, ни боги, которым приносят жертвы в Новгороде, теперь будто бы не властны над ними.

Тогда и решило вече послать в Киев опытного в ратном деле мужа Олега, родича Рюрика, а для того, чтобы привести отколовшуюся землю под руку Великого Новгорода, поста-

новили отправить с Олегом малолетнего Игоря, сына Рюрика, дабы мог он возвести истинного князя на место самозванцев...

Неприязнь и недоверие между матерью и сыном во многом питались воспоминаниями об этой первой попытке христианизации Киева и ее исходе. Обвинения, раздававшиеся в сторону княгини из среды дружинников и волхвов, делали Ольгу подозрительной и раздражительной. Она уже не пыталась воздействовать на Святослава, оставил попытки приобщить его к христовым истинам и греческий жрец, привезенный ею из Константинополя. Княгиню теперь уже тяготило присутствие сына во дворце, и она чувствовала себя спокойно лишь тогда, когда Святослав отправлялся вместе со Свенельдом на охоту или в полюдь.

Князь задумчиво улыбается, глядя мимо даров. Посольство, столпившись перед тронном, терпеливо ждет, когда славянский властитель соблаговолит произнести слова признательности величайшему из самодержцев. А Святослав, словно позабыв о необходимости воздать должное императору ромеев, безмятежно усмехается, оглаживая ладонью густые висячие усы. Он вспоминает про свою последнюю придумку – как отправил в подарок своему первенцу Ярополку отроковицу из захваченного его воинами монастыря. Кому пришло в голову запеленать в черную монашескую одежду этот едва распустившийся бутон? Кто определил тебя, белолицая гречанка, в невесты Христовы? Нет, не исчахнешь ты пред иконами, не иссохнешь в постах, но станешь матерью князей русских...

Наконец отрешенный взор князя снова останавливается на груди императорских подношений. Сдвинув брови, Святослав поднимается с трона. Он среднего роста, но благодаря тому, что стоит на возвышении, кажется посольству гигантом. Его широкие плечи, выпуклая грудь и мускулистая загорелая шея, ровно переходящая в тяжелый продолговатый затылок, говорят о недюжинной силе. А цепкий быстрый взгляд серых глаз – о недюжинной и изворотливом уме. Кивнув в сторону даров, Святослав говорит:

– За это передайте моему брату цесарю мою благодарность. Но здесь совсем не то, что я хотел получить. Напомните ему мои слова, переданные первому посольству, тому, которое он засылал ко мне еще зимой. Тогда я сказал, что уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с нами.

После долгой томительной паузы посол прикладывает руку к груди и произносит:

– Дозволь, достопочтенный архонт русов, я передам то, что поручил мне сказать мой император Иоанн, величайший и самодержавнейший...

Святослав снова опускается на трон и молча кивает.

– Мы верим в то, что Провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы, – так говорил блаженнейший из властителей, – слегка наклонив голову и возведя очи к небу, говорит посол. – Поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорки, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога – Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на десяти тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на древлян,

он был взят ими в плен, привязан к столбам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелonosец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи.

*Князь Святослав Игоревич
(по Ф.Г. Солнцеву, 1869)*

Святослав едва удерживается, чтобы не прервать речь посла. Яростно закусив губу и вцепившись в подлокотники трона, он исподлобья смотрит на грека, произносящего дерзостные слова. И едва тот умолкает, князь вскакивает и принимается яростно пинать императорские дары. По мраморному полу со звоном рассыпаются драгоценности из шкатулок. Рванув ворот белой полотняной рубахи, Святослав говорит низким прерывающимся голосом:

– Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну – мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами.

Константинополь. Влахернский дворец

Сидя на балконе, устланном коврами, император смотрел на город, лежавший перед ним. Пологие холмы, тесно застроенные двух- и трехэтажными домами, венчали округлые силуэты храмов. В ближайшей ко дворцу церкви Богородицы только что отошла торжественная служба, во время которой Иоанн молился о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом. Ту же просьбу, обращенную к Богу, он вознес перед тем в великом храме Святой Софии – Премудрости Божией. Оба эти вместилища христианских святынь славились тем, что молитва, произнесенная в их стенах, вернее всего достигает престола Господня. Многочисленные мощи святых и реликвии, собранные там, привлекали благосклонность небесных сил. Это особое расположение не раз выказывалось чудесами, совершавшимися в храме Святой Софии и Влахернской церкви. За полвека до нынешнего дня, когда Иоанн вознес мольбу к Богородице, 1 октября 910 года сама Пречистая явилась в видении юродивому Алексею и ученику его Епифанию, будущему патриарху, в этом самом храме близ императорского дворца во Влахернах. Сподобившиеся благодати увидели: Божья Мать пребывала под куполом, окруженная сонмом ангелов. Она простерла над молящимся народом свой омофор – белое покрывало – и благословила человечество.

Иоанн верил, что его просьба дойдет до престола Всевышнего, и с тем большим нетерпением ожидал наступления войск. На балкон дворца, примыкающего к главной оборонительной стене Константинополя, он вышел, чтобы лицезреть флот, выстроившийся перед началом похода в заливе Золотой Рог. С высоты холма видно было, как уступами уходят к морю серые зубчатые башни. Этот участок стены наиболее уязвим, его лепили кто как в разные царствования.

А то, что видит глаз в другой стороне от дворца – неприступные массивные башни, на которых реют стяги с крестами – построено Феодосием, а вот те башни, что потонули в дымке среди городских кварталов, – это цепь укреплений, воздвигнутая еще Константином. Шесть веков прошло с той поры, как святой равноапостольный император Римской империи провозгласил древний Византий столицей державы и дал ей свое имя. Ни один враг не сумел с той поры покорить эти серые стены, эти громадные башни, нависающие над пригородами. Кто только не дерзал грозить Константинополю, но всех их ждал один конец. Не минует чаша сия и этого наглого варвара.

Иоанн увлажнившимися глазами смотрел на залив. Гордость ромеев – огненосные триеры, – выстроившись ровными рядами, ждали знака с императорского балкона.

Самодержец махнул белым платком. В тот же миг вся масса судов пришла в движение; следом за триерами стремительно скользили по воде ладьи – галеи и небольшие челны – монерии. Более трех сотен кораблей вступили в показательное сражение. Толпы народа по обоим берегам Золотого Рога восхищенным ревом провожали искусные развороты судов в боевом порядке.

По окончании парада Иоанн распорядился раздать гребцам и воинам мешок золотых номисм, который был немедленно доставлен из дворца в гавань. Новый взрыв восторга достиг ушей императора, когда там внизу было объявлено о награде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.